

Прекрасней волн, небес и бури [3, с. 51].

В ранний период своего творчества Пушкин воспринимал море как символ свободы. В зрелом творчестве бушующие волны становятся преградой для счастья его героев. Разыгравшаяся морская стихия ассоциируется с метелью, бурей и символизирует исторические или жизненные препятствия, с которыми сталкивается человек.

Зимнюю степь Пушкин называет «снежным морем», движение кибитки похоже на плавание судна по бурному морю. Пугачев выполняет роль лоцмана, который выводит Гринева из бескрайнего «снежного моря». Он предлагает, если небо прояснится, искать дорогу по звездам, как это всегда делали мореплаватели:

«– Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли, где дорога?

– Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, – отвечал дорожный, да что толку?

– Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

– Сторона мне знакомая, – сказал дорожный, – слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится; тогда найдем дорогу по звездам» [2, с. 249].

Стихии метели, бури представляют собой сложные, многозначные символы и помогают Пушкину в художественной форме изобразить скрытую идею сюжета. Создается впечатление бескрайности водных пространств. Как в результате наводнения в «Медном всаднике», так и во время народного восстания в «Капитанской дочке» погибают невинные люди. Пугачевцы убивают капитана Миронова, его жену, в период наводнения гибнут Параша и ее мать. В «Медном всаднике» разбушевавшаяся стихия приводит к огромным разрушениям, и в «Капитанской дочке» результаты народного восстания страшны: «Бедствие доходило до крайности... состояние всего обширного края было ужасно»; «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [2, с. 344].

Итак, мы видим, что описание Пушкиным бури в «Капитанской дочке» и наводнения в «Медном всаднике» имеют общий характер и символизирует народный бунт. «Бессмысленный и беспощадный» бунт народа – разъяренная стихия. Метель представляет собой сложный и многозначный образ-символ и определяет поэтику данных произведений, является их сквозным мотивом. Пушкин вводит его для того, чтобы постичь хотя бы контуры того явления, что называется «русским бунтом», чтобы более глубоко и ярко, показательно определить личность простого казака, ставшего вождем народного восстания, подобно маленькому облачку, предвещавшему большой буран: «Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое было принял сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран» [3, с. 248]. Прошло совсем немного времени, и действительно «облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалось, росла и постепенно облегалo все небо». Становится понятно, что облачко предвещающее метель является символическим образом Пугачева, а метель – грозное проявление стихии природы – символ, выражающий могучую стихию народного мятежа, народного восстания, бунта.

Литература

1 Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев – М. : Правда: 1979. – 124 с.

2 Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. – Т5 / А. С. Пушкин – М. : Худ. Лит., 1975. – 576 с.

3 Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. – Т2 / А. С. Пушкин – М. : Худ. Лит., 1974. – 688 с.

4 Пушкин, А. С.: Имя России. Исторический выбор / И. З. Сураг, С. Г. Бочаров. – М: АСТ: Астрель, 2008. – 256+1, [32] с.

УДК

Е. Л. Гречаникова

«Деревенская проза» как одно из проблемно-тематических направлений

русской советской литературы

В статье идёт речь о таком значимом для советской литературы проблемно-тематическом направлении, как «деревенская проза», времени и причинах его возникновения, особенностях развития. Приведены противоположные точки зрения на данное явление (некоторые исследователи склонны относить «деревенскую прозу» к ряду значительнейших для советской литературы явлений, выходящих за рамки соцреализма, другие же критики полагают, что данное направление столь же политически ангажировано, как и вся советская литература в целом).

Термин «деревенская проза» был введён советской критикой в конце 60-х гг. XX века. Именно в этот период (конец 60-х – начало 70-х гг.) в рамках советской литературы становится популярной и актуальной «деревенская» проблематика. Данное направление в советской литературе возникает по ряду вполне закономерных причин. Прежде всего, следует отметить, что в вышеуказанный период (конец «оттепели» и начало периода «застоя») наблюдается своего рода духовный кризис в рамках советской реальности. В подобной ситуации весьма кстати появляется идея возвращения к истокам, дающая надежду на выход из духовного кризиса и позволяющая обрести новые морально-нравственные ориентиры. Иными словами, художественная концепция данного литературного направления (термин «направление» по отношению к «деревенской прозе» использует Ю. Бореев; Н. Лейдерман и М. Липовецкий используют термины «художественная тенденция», а также «литературное течение» [1, с. 33, 43]) заключается в том, что «крестьянин – единственный истинный представитель народа и носитель идеалов, деревня – основа возрождения страны» [2, с. 418]. В этом состоит социальная причина возникновения и актуализации «деревенской прозы».

Частичная утрата прежних идеалов также привела к поиску новых ориентиров и образцов литературного творчества в классической русской литературе. Не случайно многие исследователи полагают, что «деревенская проза» в какой-то мере возрождала традиции русского классического реализма, в частности, через идею патриархальности в противовес идеям «советскости». Так, Г. Нефагина подчёркивает наследование «деревенской прозой» традиций русских классиков: «В русской классической литературе на художественном постижении раскаяния построены роман Л. Толстого «Воскресение», почти все романы Ф. Достоевского, повести писателей-деревенщиков 60 – 70-х годов XX века» [3, с. 150]. В этом, возможно, заключается эстетическая предпосылка возникновения данного проблемно-тематического направления.

Рассмотрим основные особенности «деревенской прозы». В «Теории литературы» (под редакцией Ю. Борева) находим следующее определение: «Это литературное направление русской прозы (конца 60-х – 80-х гг.); центральная тема – современная деревня, главный герой – раскрестьяненный крестьянин» [2, с. 418]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий также говорят о «деревенской прозе» как о «значительном явлении в литературе семидесятых годов», подчёркивая её абсолютную «внеаходимость... по отношению к соцреализму» [1, с. 33, 43]. С другой же стороны, авторы констатируют, что «творцам “деревенской прозы” принципиально чужды приёмы модернистского письма, “телеграфный стиль”, гротескная образность. Им близка культура классической русской прозы с её любовью к слову пластическому, образительному, музыкальному, они восстанавливают традиции сказовой речи...» [1, с. 43]. «Внеаходимость» «деревенской прозы» по отношению к соцреализму констатирует и Ю. Борев, полагая, что уникальность данного направления заключается уже в том, что «после середины 30-х гг. это единственное художественное направление, допущенное к легальному существованию в советской культуре рядом с социалистическим реализмом» [2, с. 420].

Значительным завоеванием «деревенской прозы» явилась её осязаемая суверенность, независимость от ряда советских установок. Так, цитируя Ю. Бореву, «патриархальность крестьянина утверждалась... как высшая нравственная ценность и идеал» [2, с. 419]. Г. Нефагина также констатирует, что «в идеологическом плане это была альтернативная литература, в которой носителем положительных качеств являлся не усвоивший привычки колхозной жизни персонаж, а герой, хранящий в себе память патриархальной деревни» [4, с. 47]. Дей-

ствительно, в рамках данного направления актуализировалось понятие «русский национальный характер» в противовес характеру «советскому». По словам Н. Лейдермана и М. Липовец-кого, «“простой советский человек” потерял эпитет “советский”, его образ стал определяться не идеологическими, а бытийственными координатами – землёй, природой, семейными заботами, устоями деревенского уклада». Поэтика же «деревенской прозы» «была ориентирована на поиск глубинных основ народной жизни, которые должны были заменить дискредитировавшую себя государственную идеологию» [1, с. 43, 45]. Таким образом, «взамен идеализации рабочего класса давался образ крестьянина как носителя исторического и эстетического идеала» [2, с. 420].

Так называемый «крестьянский реализм» (термин, используемый Ю. Боревым, Г. Нефагиной) расходился с социалистическим реализмом и в ряде других вопросов: «деревенская проза утверждала светлое прошлое, соцреалисты – светлое будущее; деревенская проза отрицала многие незыблемые для соцреализма ортодоксальные ценности – осуждала колхозный строй, не считала раскулачивание социально плодотворным и справедливым действием», а «взамен интернационализма выдвигалась национальная идея» [2, с. 419]. Кроме того, «деревенская проза» была достаточно враждебна по отношению к урбанизации и научно-техническому прогрессу (что в корне противостоит соцреалистическому оптимизму в данных вопросах). Ю. Боров отметил, однако, что некоторое сходство «деревенской прозы» и соцреализма наблюдается в вопросах допустимости «идеи насильственного вмешательства в исторический процесс, а также обязательном для соцреализма поиске врагов» [2, с. 419].

Спустя примерно три десятилетия после появления «деревенской прозы» А. Солженицын в слове при вручении премии В. Распутину (4 мая 2000 года) весьма высоко охарактеризовал данное направление, также отметив его непосредственную связь с русской классической литературой: «На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный беззвучный переворот, без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого «соцреализма» не было... В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого ... эту группу стали звать деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками – ибо суть их литературного переворота была **возрождение традиционной нравственности**» [5, с. 186]. Подобного мнения придерживаются и Н. Лейдерман и М. Липовецкий: «Деревенская проза выработала особую поэтику, ориентированную на поиск... глубинных опор человеческого существования. ... Субъективно создатели “деревенской прозы” ищут религиозные устои жизни, т.е. те основы, на которых держится духовный мир отдельного человека и народа в целом – понятия Бога, святости, духовности, подвига, поклонения паломничества, служения» [1, с. 54 – 55]. «Во всех этих образах (*Енисей как мифологическая «река жизни» у Астафьева, образы простора и покоя у Шукшина, баня у Распутина...*) прямо или косвенно актуализируется связь с мифопоэтической традицией, причём в дохристианском, языческом изводе. Фактически эти образы становятся воплощением мистического пласта народного сознания – того, что можно назвать национальным коллективным бессознательным...» [1, с. 54 – 55].

Ввиду вышесказанного возникает закономерный вопрос о том, каким образом «деревенская проза», несмотря на многочисленные расхождения с официальной идеологией, смогла реализовать себя в рамках советской литературы. Вероятнее всего, «вольности» «деревенской прозы» были обусловлены рядом причин. Во-первых, ослабление авторитета официальной власти к концу 60-х гг. привело к поиску новых ориентиров, которые были найдены, по словам Ю. Борева, «в деревенском мифе и национальных идеях» [2, с. 419]. Исследователь также предполагает, что отсутствие препон на пути развития данного направления объясняется ещё и «известным сочувствием ряда партийных руководителей (М. Суслова, например) некоторым идеям деревенской прозы (многие работники ЦК и, главное, его идеологических отделов были выходцами из деревни, и им льстило возвеличивание крестьянина, звучавшее в произведениях деревенской прозы)» [2, с. 420]. Кроме того, согласимся с Н. Лейдерманом и М. Липовецким, полагающими, что «“неопочвенничество” всё-таки было в некотором роде фрондой и годилось в качестве “клапана” для сброса чрезмерного напряжения в “котле” общественных настроений.

В глазах тоталитарной власти идеи национальной замкнутости представлялись куда более терпимым заполнением духовного вакуума, ... чем идеи, взывавшие к открытому взаимобогащению со всем миром. Своих “фрондёров” власти журили, но в обиду не давали» [1, с. 8]. По мнению же В. Ерофеева, властям «приглянулся» «именно патриотизм деревенской литературы», который «стремились приноровить для политических нужд», хотя «он не был достаточно казённым», поскольку «деревенская литература имела свои религиозные и даже политические фанатерии, смело участвовала в экологическом движении» [6, с. 4].

Таким образом, мы можем говорить о том, что «деревенская проза» как самостоятельное проблемно-тематическое направление вполне сформировалось в рамках советской литературы к началу 1980-х гг. К этому времени написаны и опубликованы такие произведения, как «Привычное дело» В. Белова, «Живи и помни», «Прощание с Матёрой» В. Распутина, «Царь-рыба» В. Астафьева, рассказы В. Шукшина и мн. др. Уже в 1970-е гг. писатели-деревенщики осудили тогда ещё неприкасаемую коллективизацию. В целом, расцвет «деревенской прозы» пришёлся на 1970-е годы, в начале же 1980-х гг. в советском литературоведении нередким становится обсуждение идейного и эстетического кризиса данного направления.

Современные исследователи, бросая ретроспективный взгляд на становление, развитие и кризис «деревенской прозы» выделяют ряд причин кризиса данного направления. Так, Ю. Боров, Н. Лейдерман и М. Липовецкий говорят о некоем стереотипе, сформированном к 1980-м гг. в рамках «крестьянского реализма»: «миф о “деревенской Атлантиде”, стереотип произведения о “малой родине”. Его обязательные элементы: радужные картины деревенского детства..., годы войны – ...трагическое и высокое сознание общей беды, стянувшей во-едино весь деревенский мир, и –годы семидесятые, мирное сытное время. Когда на дороге можно увидеть и кем-то брошенную белую булку, когда память начинает казаться обременительной обузой жадным до сиюминутных радостей жизни молодым выходцам из деревни...» [1, с. 55].

Ю. Боров в книге «Социалистический реализм» также высказывает мнение, что идеология деревенской прозы претерпела кризис ещё и по причине того, что увязла в отрицании городской культуры, всё чаще представляя крестьянина «единственным истинным представителем народа и носитель идеалов...» [7, с. 418], в результате чего «вскоре общечеловеческая точка зрения была вытеснена классовая – крестьянская. Взамен сталинской пролетарской партийности деревенщики обрели не менее узкую – крестьянскую. И сразу добрый мир превратился во враждебный, полный опасностей: иноверцы, инородцы, рок-музыка, модернизм, эротика, запад. ...Так возникла иллюзорная идея русофобии, построенная по превратной закольцованной схеме: я вас всех ненавижу – значит, вы ненавидите меня...» [2, с. 419]. В целом, Ю. Боров видит причину кризиса «деревенской прозы» во внелитературных причинах: экономическом кризисе деревни, деградации интересов местного населения, – тех, кто ещё в 1970-е гг. был идеалом, вдохновителем для писателя, а в 1980-е уже не может быть «героем великой литературы», потому что «не может быть идеалом крестьянин, превращённый раскулачиванием, коллективизацией и десятилетиями несвободного труда в люмпен-крестьянина, не способного прокормить свой народ» [2, с. 419].

Однако некоторые исследователи полагают, что именно в 1980-е годы «деревенская проза» сформировалась как жизнеспособное направление со своей философией, эстетикой. Так, например, А. Бочаров отмечает, что «лирическая “деревенская” проза вообще вначале не избирала своим объектом “жизненную правду”. Это были пластичные, ... воображённые писателем картины; как, по мнению автора, вели бы себя деревенские жители в избранной автором ситуации: смерть матери, возвращение дезертира, затопление острова». И лишь позднее, по мнению А. Бочарова, зазвучала «новая осеняющая идея – запечатлеть: вначале – “лад” русской деревни», затем, «с лёгкой руки А. Адамовича, зашла речь о грандиозной задаче запечатлеть *крестьянскую Атлантиду*, захлёстываемую волнами энтээрного половодья. Ещё позднее, далеко не сразу, пришло утверждение *онтологичности*. В “деревенской” прозе стали уже видеть свою философскую систему, в центре которой стоит натурфилософская идея гармонии и круговращения, заданного природными циклами» [8, с. 347 – 348]. Т.е., по мнению критика, «деревенскую прозу» изрядно обогатила экологическая проблематика и своего рода публицистический накал 1980-х гг. В июле 1985 года на страницах «Нашего со-

временника» (неофициальный орган печати писателей-деревенщиков) появляется «Пожар» В. Распутина. В этом же году на страницах «Литературного обозрения» писатель выскажет мнение о том, что «долг писателя-гражданина побуждает при виде грозящих бедствий отложить “вечное” перо и взяться за то, которым водят неотложные нужды нынешнего дня. Терапевтическое долговременное воздействие на человеческую душу как постепенное воспитание может, к несчастью, опоздать» [9, с. 14]. Годом позже в книге «Чем жива литература?: Современность и литературный процесс» (1986 г.) А. Бочаров также выскажет предположение о том, что, возможно, в художественной публицистике есть будущее для вышеназванного проблемно-тематического направления.

Учитывая вышесказанное, мы не можем согласиться с мнением некоторых критиков о том, что к 1980-м гг. «деревенская проза» пришла в упадок. Например, В. Ерофеев полагает, что «деградация деревенской литературы чувствительнее для жизни литературы, поскольку речь идет о более одаренных и социально более достойных писателях. Это изменение началось еще до перестройки, но с ее наступлением усугубилось... Деревенская литература стала больше разоблачать, проклинать, чем возвеличивать. У нее появились три заклятых врага» [6, с. 5]. Совсем об обратном свидетельствует проза В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, Ч. Айтматова, вышедших на новый философский и публицистический уровень именно в 1980-е годы.

Литература

1 Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968 – 1986): Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.

2 Теория литературы. Том IV. Литературный процесс / редкол.: Ю. Б. Бореев (гл. ред.) [и др.]. – М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 624 с.

3 Нефагина, Г. Л. Штрихи и пунктиры русской литературы XX века / Г. Л. Нефагина. – Минск: Белпринт, 2008. – 248 с.

4 Нефагина, Г. Л. Динамика стилевых течений в русской прозе 1980 – 1990-х годов / Г. Л. Нефагина. – Мн.: БГУ, 1998. – 194 с.

5 Солженицын, А. Слово при вручении премии Солженицына В. Распутину 4 мая 2000 г. / А. Солженицын // Новый мир. – 2000. - № 5. – С. 186.

6 Ерофеев, В. Поминки по советской литературе / В. Ерофеев // Русская литература XX века в зеркале критики / Сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк. – СПб.: «Академия», 2003. – 656 с.

7 Боров, Ю. Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд / Ю. Б. Боров. – М., 2008. – 478 с.

8 Бочаров, А. Г. Чем жива литература?.. / А. Г. Бочаров. – М.: Сов. писатель, 1986. – 397 с.

9 Распутин, В. Верую, верую в Родину! / В. Распутин // Литературное обозрение – 1985. – № 9. – С. 11 – 18.

УДК 801.612(049.4)«16»

Е. И. Даниленко

Средства акцентирования в челобитных XVII века

В данной статье челобитные XVII века анализируются с точки зрения реализации в них некоторых средств акцентирования, таких как плеонастические и тавтологические конструкции, инверсия, размещение компонентов текста в соответствии с законом края, повтор слов и грамматических форм и др. При рассмотрении акцентуаторов определяется роль различных типов этих средств в достижении коммуникативных задач адресанта.

Вопрос о категории акцентности и средствах акцентирования рассматривался в работах многих исследователей. Н. И. Сущинский в статье «О коммуникативно-прагматической категории “акцентирование”» отмечает, что роль акцентуаторов заключается в том, «чтобы, с одной стороны, подкрепить свою точку зрения на сообщаемую информацию и привлечь к выделяемому элементу особое внимание адресата, а с другой стороны, чтобы побудить по-